

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

МАРТ - 2001

Независимая пресса

Еженедельное приложение к «НГ» № 9 (56), 12 марта 2001 г. Выходит с января 2000 г.

Наше приложение называется «Субботник НГ», однако сегодня оно выходит в понедельник. Это связано с прошедшим женским праздником, который самым неблагоприятным образом повлиял на выход газеты. Ну ничего, пусть на этот раз в виде исключения суббота начинается в понедельник. А вообще-то, пользуясь случаем, сообщаем нашим уважаемым читателям, что в этом году мы планируем начать выпускать «НГ» и по понедельникам.

- ТВ ВАЛЕРИЙ КОМИССАРОВ О ТЕЛЕВИДЕНИИ И ГОСДУМЕ
- ТВ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ
- ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА «НГ»
- АФИШНАЯ ТУМБА

- стр. 12
- стр. 13-14
- стр. 15
- стр. 16

Григорий Заславский

Ольга Аросева — народная артистка России. Люба, к которой возвращается герой Иннокентия Смоктуновского в фильме «Берегись автомобиля», знаменитая пани Моника из «Кабачка «13 стульев». Но телевизионного кабачка нет уже много лет, а популярности актрисы, которая все эти годы работала в Театре сатиры, это обстоятельство, кажется, не сколько не мешает. 8 марта она вышла на сцену своего театра в спектакле «Андрюша», где сыграла себя, Ольгу Александровну Аросеву.

УВОЛИТЬ МЕНЯ НЕЛЬЗЯ!

«Зритель может фуффло принять за настоящее, но настоящее за фуффло не примет», — говорит Ольга Аросева

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА! Какие у вас сегодня отношения с Валентином Николаевичем Плучеком?

— С Плучеком у меня всю жизнь отношения были сложные. Вернее, в разные периоды отношения у нас были разные. Тем не менее это мой режиссер, с которым я проработала 50 лет. Я ценю в нем то, что вообще главное в режиссере — талант. Я ему позвонила перед своим юбилеем. Сказала: «У меня сегодня юбилей, я знаю, что вы не можете прийти, но я буду о вас думать, думать о том хорошем, что между нами было». Он сказал: «Спасибо, Оля!»

что вот выпущен такой хороший спектакль, а я в нем не занята, чтобы мечтать о чем-то, может быть, идти и добиваться чего-то... Не может театр останавливаться. Как и всякое живое существо, он гниет, если стоит на месте. Как пианисты, как артисты балета, драматические актеры не могут без практики. Иначе — теряют квалификацию. Актеры хотят играть. Разве это плохо, что люди хотят работать? Актеры — замечательные люди, когда они соединяются в какой-то

и есть сатира. Залог успеха этого театра в том, что этот жанр необходим людям во все времена и при любых формациях. Чехов годится, Достоевский годится, Грибоедов... Вся классика русская годится для нашего театра. Это все, что имеет право быть в Сатире. Худо с современными драматургами.

— В Театре сатиры привыкли к определенной структуре спектакля — спектакля на какого-то определенном актера. А по идее, лучшие всегда были спектакли, которые

фуффло не примет. Поэтому я верю зрителю. У нас 1200 мест, и то, что для другого театра — аншлаг, для нас — ползала, а у нас зал всегда — полный. У нас много хороших актеров в разных поколениях, но они мало играют. Для меня молодежь — те, кому сейчас по 40, по 50 лет, — среди них много сильных актеров. Николай Павлович Акимов, у которого я работала, говорил: вот ты все время играешь таких и таких, а я тебе хочу дать лирическую роль, поскольку ты уже штампуешься...

раинные свои роли, несыгранные темы, не подходящие по жанру по основному месту работы, — другое дело. Вера Васильева, например, актриса драматическая. В нашем театре она бы не сыграла Кручинину или Раневскую. Но она хочет сыграть эти роли. И ездит, играет. Я считаю, что это замечательно: она не хочет сидеть и ждать, когда ее что-то залудит... Я играю в пьесе Петра Гладиллина «Афинские вечера». Она написана для меня, мы вместе с ним обговаривали образ

профессии. Тебя ждут, и ты им нужен.

— Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку»... выступить на сцене Театра сатиры?

— Когда говорили о «Чердаке...», как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

— А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

Петра Фоменко поставить «Неаполь — город миллионеров». Он сказал: «Замечательный выбор. Это то, что нужно. Вы угадали. Но я очень болен... Положение с режиссурой сейчас тяжелое. Хорошие, которые имеют свои коллективы. И воспитывают актеров в своем вкусе, в своей эстетике. Они не пойдут в антрепризу, поскольку заняты в своих театрах. У Мокеева был замечательный спектакль «Эмигранты», он — человек вольный, поэтому я и предложил его. Тем более что в театре у нас была в то время мертвая зона. Валентин Николаевич себя плохо чувствует, сам ставить не может, режиссуре современную знает плохо. Приходилось самим искать. А я режиссером знаком плохо, поскольку работала с Акимовым или с Плучеком. В Театре сатиры не было так, чтобы сегодня — один, а завтра — другой... «Маллен и Моисей» начинал ставить режиссер, которого мне порекомендовала переводчица пьесы. Не получилось. Положение было отчаянное. Саркисова я знала давно, он согласился вручить...

он репетировал ее Бог знает сколько, несмотря на уже огромную популярность и любовь. Не ради славы, а ради своей любви к делу. Думаю, этому он научился у Патапува, который тоже ни на секунду не позволял себе быть не крупным планом.

— Что для вас дом? Вы много ездите, много работаете, при этом все, кто у вас был, вспоминают замечательный ваш загородный дом... Зачем он вам?

— Чтобы чувствовать дом. Чувство собственности — неплохое чувство. И оно очень человека обогащает. У меня нет колонии, как сейчас строят. Моюму дому 30 лет. Но он — уютный. За границей себе лучше не куплю кофточку, а куплю что-нибудь для дома. Я его люблю, потому что мне в нем хорошо. У меня маленькая двухкомнатная квартира, мне ее хватает, и я никогда не хотела для себя чего-то большего, но квартира нужна, чтобы захватить после театра... А праздник отразился или гостей собрать — это на даче. Я люблю цветы, и они у меня, как ни странно, растут.

— Есть какие-нибудь, которыми бы вы гордились?

— Никакой экзотики. Укроп, петрушка, кинза — из огородных. Курсы смородины, а из цветов — очень красивые пионы, анютины глазки, маргаритки...

— Глядя на вас, всегда поражаешься, как хорошо вы выглядите. Никакие обиды не мешают вам оставаться привлекательной женщиной. Как вам это удается? Как организована ваша жизнь? Сигите ли вы лием, например?

— Днем сплю, но перед спектаклем стараюсь не спать, поскольку сон куда-то уходит... Накануне стараюсь выпустить пар. Перед спектаклем я люблю поспать в последний раз в два часа, не позднее. Спосать люблю, но перед спектаклем не ем. Я готовлюсь к спектаклю. Это в себе выхожу. Я не отношусь к тем актерам, которые прибегают за пять минут до начала... Я заметила, что комедию на сытый желудок играть хорошо, но драматическую роль — нельзя. Вообще сытым плохо выходить на сцену: что-то пропалает. Когда ты голодный, хочется, чтобы поскорее закончилось... (Смеется.) Есть энергия... Я ничего не делаю со своим лицом. И никогда не делала. Ни когда не нало молотиться — это, наверное, самое важное. В таком случае ты выглядишь смешно, а главное — старше... Голос столько порчу с каждым годом все больше и больше. Я не ношу экстравагантных шляпок... Он стал уговаривать, что знаешь, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: помолчи, я знаю, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я стараюсь быть очень кропотливой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что он знал, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она вышла оттуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуре я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет.

«Маллен и Моисей» — пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена это испекла пирог «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витаса и в этой пьесе сыграл Моисея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре на 600 мест! Ежедневно! Он показывал видеопленку, а мы ему — фотографии нашего спектакля.

— А новые пьесы он вам не дал?

— Дал. Не мне, конечно, а переводчицу Ирине Похоровой. Она сейчас переводит. Он рассказывает нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадал по-настоящему может только женщина. В рано встречалась старая коммунистка и священник, оба — в плену своих догм... Бог — очень жизнелюбивый и оптимистичный — предлагает им жить свободно.

— Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружили вы и с Андреем Мироновым. Что вы думаете сегодня о нем?

— Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был покровителем, поскольку в свои пекунки, шлятеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или интригу. Глаза у него всегда были грустными... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

— Что значит — честен в профессии?

— Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь пятый концерт. После передела, в первую очередь между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был качественно — во всех состояниях — одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было похвалить, он хвалил. Если ему нужно было спеть песенку,

У Ольги Аросевой всегда найдется о чем поговорить с Верой Васильевой и Спартаком Мишулиным. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

— За какие качества вы выбрали новым художественным руководителем Ширвиндта?

— Вы меня сейчас поссорите со всеми!

— И вас уволят?

— Нет, уволить меня нельзя... А не давать ничего играть можно. Ширвиндта выбрал коллектив, и, думаю, выбрал по многим причинам. В первую очередь потому, что он — человек, который способен объединить вокруг себя коллектив. Он — человек, который не делает галосты людям. Человек хорошего вкуса, интеллигентный. Наносная бравала, которая всем известна, — не его суть. И он — свой, в этих стенах вырос. Я вижу судьбу театров, когда в сложившийся уже организм приходит новый режиссер, — вижу, чем это кончается. Этого больше всего не хотелось.

— Взлеты часто случались именно там, куда приходил человек со стороны...

— Например?

— Таганка, БДТ...

— Товстоногов пришел в БДТ при мне. Театр очень долго был в совершенно разбитом состоянии, так что Товстоногов его заново создавал. Но для старых артистов театра это было болезненно. Любимый пришел на Таганку со своим спектаклем и своей труппой и создавал на Таганке новый театр... Специфика Театра сатиры не только в подборе талантов, но еще и в том, что здесь есть определенное понимание жанра. Есть очень хорошие режиссеры, которые не смогли бы поддержать жанр, определяемый названием. Тот же Товстоногов, например. Он мог создать замечательный театр, но это был бы уже не Театр сатиры. А у Шуры есть как раз такое призвание и такой талант, необходимый юмор... Ширвиндт не честолюбив. Во всяком случае, это не личное его честолюбие. Он очень хороший педагог и очень любит педагогическую деятельность. Думаю, что кроме желания не поведать людей, которые его просили об этом, он, может быть, для себя открывал какие-то новые возможности... Ставить, что-то еще делать. Я за всю жизнь его столько не видела в театре, сколько за эти месяцы. Он сидит в театре с утра до ночи... Каждому человеку в зрелом возрасте хочется сотворить что-то свое. Не под чужим контролем, а свое. Все не так просто, поскольку многое определено жанром в названии театра.

пьесе, они обожают друг друга. Как только расходятся, начинают искать недостатки. Не надо лавить актерам уходить за кулисы, надо их как можно дольше держать на сцене... Но актер стоит в театре на самой нижней ступеньке. Он задумывается, от рабочего сцены, от костюмера, от выбора пьесы, от текста, от режиссера, от запертурной частью, от директора... От всего и от всех. Было бы смешно Плучеку, задрав штаны, бежать за комсомолом... То есть в его случае — бежать за молодыми режиссерами, с иной эстетикой.

— Я надеюсь, что вы не обидитесь, если я называю вас ветераном Театра сатиры...

— Нет. По-первых, ветераном меня назвало правительство, на это счет у меня даже специальный значок есть: я — ветеран труда.

— Как ветеран, что вы думаете о молодых, которые работают в Театре сатиры?

— Они мне нравятся. Хорошо, мне кажется, что их не надо воспринимать как какую-то отдельно работающую студию, которая должна играть свои спектакли. Мы играем вместе, поэтому и получаем так хорошо. Только практическая смена может дать актеру профессию. Если бы я в юности не встречалась с такими актрисами, как Сухаревская, Зарубина, Юнгер, Гошева, а потом здесь со Слоновой, Пельтиер, я бы многому так и не научилась.

— Каковы сильные и слабые стороны труппы Театра сатиры?

— Она не востребована. Нас очень любят зритель и не замечает критика. Зритель я не считаю идиотом. Да, он может фуффло принять за настоящее, но настоящее за фуффло не примет, и твой собственной, и твой

Или, например, говорил: м-да, тебе уже надо подумывать о переходе, надо попробовать... Это внимательное отношение к актерам. У нас очень большая по нынешним временам труппа. Сильная, но мало используемая.

— О разрушенности хозяйства говорить не приходится? В смысле, что Ширвиндту достались агонии конюшни...

— Ширвиндту достался замечательный театр в центре Москвы, с чистыми отремонтированными гримерками, в которых сидят талантливые люди. К сожалению, они ничего почти не делают, они льют кофе в бумфет. А они все могут играть. Это вещи, которые нельзя упустить, поскольку чем дольше не играют они, тем труднее потом будет вколоть «в селло».

— Вы сами много работаете в антрепризе. По-вашему, такая работа разрушает сам организм репертуарного театра или нет?

— Смотря как относиться к антрепризе. Такой замечательный артист, как Валерий Гаркалин, который здесь играл роли мирового значения и мог еще много чего сделать, ушел из театра. Ездит, играет, антрепризные спектакли, свободные дни выделяя Театру сатиры. Приезжая из условно говоря, Мурманска, измученный, Петручку нельзя. Можно, конечно, но сделать это трудно. Понять это можно: актерские оклады очень маленькие, приработавать нужно. Как и во всяком деле, нужен баланс. Если рассматривать антрепризу не только как заработок, но и как дополнительную возможность для творческого самовыражения — сыграть там несиг-

— Он был яростным противником «Кабачка». Телевидение в каком-то смысле еще похуже антрепризы... Когда в Советский Союз приезжали государственные деятели, некоторые спрашивали не про Театр сатиры, а про актеров, которые играют в «Кабачке «13 стульев».

— А когда мы выжили на сцену, говорили: «Вон пан Директор вышел» или пани Моника — и захлебывались от восторга. И так-то был перекосяк, поэтому узаконивать это еще и на сцене, пребыванием в театре смысла не было.

— Что такое Моника была для вас?

— Это — моя мама, которая за все бралась, обо всем рассуждала, очень любила про политику говорить, ничего не понимая в этом деле. Но упорно отстаивала свое мнение. Это — мамин характер. Дикая несоразмерность знания и активности. «Ты знаешь, из Парижа приезжает Жюль Мок!» — «Черт с ним!» — «Бже! Какой кошмар! Это — моя дочь!» — «Да что тебе, мама, Жюль Мок?» — «Нет, я от него очень много жду»... «Что именно?» — «Ну, он же — профессорный деятель... Может быть, песенку мне прибавят в конце концов...»

— У вас большой опыт работы с разными режиссерами. За последние несколько лет вы успели поработать и с Саркисовым, и с Мокеевым, и с Чинялиным. Но критика часто, соглашаясь с качеством актерской игры, не очень высоко оценивает работу режиссера...

— И я такого критика знаю!

— Что вы находите в этих режиссерах? Вы, работавшая с Николаем Акимовым, с Плучеком...

— Отвечу вам вопросом на вопрос: каких других режиссеров вы можете предложить? Я просила

— Да. Мне разбал дал «Кабачок». Я в театре тогда очень мало играла, у нас был как раз период расхождения с Плучеком. А актер, как я уже сказала, должен выходить на сцену. Он не может думать о профессии, сидя за столом. Я много ездила и много играла. Такие поездки — в природе актерской. Так раньше это очень концентрирует, вырабатывает профессиональную хваткость. Я участвовала в антрепризе у Козакова. Играла в спектакле «Нет ли у вас другого глобуса?», с которым мы месяц гастролировали в Израиле... Сейчас, к сожалению, театры не ездят на гастроли: у города нет средств, чтобы пригласить такой огромный театр, как наш, со всеми цехами. Антреприза скученна, штаты в ней сжаты до минимума. А очень важно, чтобы тебе смотрели не только в Москве, но и в других городах и странах. Дело актерское — очень живое. Когда ты куда-то приезжаешь, ты видишь, как иначе реагирует в Сызрани или в Израиле... Это очень много дает актеру, кроме денег. Понимание нужности — и твоей собственной, и твоей

— Да. Мне разбал дал «Кабачок». Я в театре тогда очень мало играла, у нас был как раз период расхождения с Плучеком. А актер, как я уже сказала, должен выходить на сцену. Он не может думать о профессии, сидя за столом. Я много ездила и много играла. Такие поездки — в природе актерской. Так раньше это очень концентрирует, вырабатывает профессиональную хваткость. Я участвовала в антрепризе у Козакова. Играла в спектакле «Нет ли у вас другого глобуса?», с которым мы месяц гастролировали в Израиле... Сейчас, к сожалению, театры не ездят на гастроли: у города нет средств, чтобы пригласить такой огромный театр, как наш, со всеми цехами. Антреприза скученна, штаты в ней сжаты до минимума. А очень важно, чтобы тебе смотрели не только в Москве, но и в других городах и странах. Дело актерское — очень живое. Когда ты куда-то приезжаешь, ты видишь, как иначе реагирует в Сызрани или в Израиле... Это очень много дает актеру, кроме денег. Понимание нужности — и твоей собственной, и твоей

— Каким бы вам хотелось перемены в театре?

— Первое: чтобы была работа. Не для меня лично, а вообще в театре. Чтобы завидовать кому-нибудь,

— Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку»... выступить на сцене Театра сатиры?

— Когда говорили о «Чердаке...», как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

— А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

— Петра Фоменко поставить «Неаполь — город миллионеров». Он сказал: «Замечательный выбор. Это то, что нужно. Вы угадали. Но я очень болен... Положение с режиссурой сейчас тяжелое. Хорошие, которые имеют свои коллективы. И воспитывают актеров в своем вкусе, в своей эстетике. Они не пойдут в антрепризу, поскольку заняты в своих театрах. У Мокеева был замечательный спектакль «Эмигранты», он — человек вольный, поэтому я и предложил его. Тем более что в театре у нас была в то время мертвая зона. Валентин Николаевич себя плохо чувствует, сам ставить не может, режиссуре современную знает плохо. Приходилось самим искать. А я режиссером знаком плохо, поскольку работала с Акимовым или с Плучеком. В Театре сатиры не было так, чтобы сегодня — один, а завтра — другой... «Маллен и Моисей» начинал ставить режиссер, которого мне порекомендовала переводчица пьесы. Не получилось. Положение было отчаянное. Саркисова я знала давно, он согласился вручить...

— С вами, наверное, трудно?

— Я люблю быть ученицей перед любым режиссером. Замечательный у меня был опыт работы с Мишей Зонненштралем. Тихий, стесняющийся мальчик ходил кругами, пока наконец не пошел ко мне: «Ольга Александровна! Не хотите внеплановую работу сделать?» Еле выговорил название: «Папа, папа, белый папа, ты не вылезешь из шкафа...» Дал мне пьесу. Я ему говорю: «Да ты болел, мальчик! Ты что?! Там с трупом ходит женщина...» Он стал уговаривать, что знаешь, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: помолчи, я знаю, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я стараюсь быть очень кропотливой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что он знал, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она вышла оттуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуре я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет.

«Маллен и Моисей» — пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена это испекла пирог «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витаса и в этой пьесе сыграл Моисея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре на 600 мест! Ежедневно! Он показывал видеопленку, а мы ему — фотографии нашего спектакля.

— А новые пьесы он вам не дал?

— Дал. Не мне, конечно, а переводчицу Ирине Похоровой. Она сейчас переводит. Он рассказывает нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадал по-настоящему может только женщина. В рано встречалась старая коммунистка и священник, оба — в плену своих догм... Бог — очень жизнелюбивый и оптимистичный — предлагает им жить свободно.

— Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружили вы и с Андреем Мироновым. Что вы думаете сегодня о нем?

— Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был покровителем, поскольку в свои пекунки, шлятеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или интригу. Глаза у него всегда были грустными... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

— Что значит — честен в профессии?

— Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь пятый концерт. После передела, в первую очередь между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был качественно — во всех состояниях — одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было похвалить, он хвалил. Если ему нужно было спеть песенку,

— Каким бы вам хотелось перемены в театре?

— Первое: чтобы была работа. Не для меня лично, а вообще в театре. Чтобы завидовать кому-нибудь,

— Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку»... выступить на сцене Театра сатиры?

— Когда говорили о «Чердаке...», как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

— А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

— Петра Фоменко поставить «Неаполь — город миллионеров». Он сказал: «Замечательный выбор. Это то, что нужно. Вы угадали. Но я очень болен... Положение с режиссурой сейчас тяжелое. Хорошие, которые имеют свои коллективы. И воспитывают актеров в своем вкусе, в своей эстетике. Они не пойдут в антрепризу, поскольку заняты в своих театрах. У Мокеева был замечательный спектакль «Эмигранты», он — человек вольный, поэтому я и предложил его. Тем более что в театре у нас была в то время мертвая зона. Валентин Николаевич себя плохо чувствует, сам ставить не может, режиссуре современную знает плохо. Приходилось самим искать. А я режиссером знаком плохо, поскольку работала с Акимовым или с Плучеком. В Театре сатиры не было так, чтобы сегодня — один, а завтра — другой... «Маллен и Моисей» начинал ставить режиссер, которого мне порекомендовала переводчица пьесы. Не получилось. Положение было отчаянное. Саркисова я знала давно, он согласился вручить...

— С вами, наверное, трудно?

— Я люблю быть ученицей перед любым режиссером. Замечательный у меня был опыт работы с Мишей Зонненштралем. Тихий, стесняющийся мальчик ходил кругами, пока наконец не пошел ко мне: «Ольга Александровна! Не хотите внеплановую работу сделать?» Еле выговорил название: «Папа, папа, белый папа, ты не вылезешь из шкафа...» Дал мне пьесу. Я ему говорю: «Да ты болел, мальчик! Ты что?! Там с трупом ходит женщина...» Он стал уговаривать, что знаешь, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: помолчи, я знаю, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я стараюсь быть очень кропотливой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что он знал, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она вышла оттуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуре я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет.

«Маллен и Моисей» — пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена это испекла пирог «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витаса и в этой пьесе сыграл Моисея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре на 600 мест! Ежедневно! Он показывал видеопленку, а мы ему — фотографии нашего спектакля.

— А новые пьесы он вам не дал?

— Дал. Не мне, конечно, а переводчицу Ирине Похоровой. Она сейчас переводит. Он рассказывает нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадал по-настоящему может только женщина. В рано встречалась старая коммунистка и священник, оба — в плену своих догм... Бог — очень жизнелюбивый и оптимистичный — предлагает им жить свободно.

— Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружили вы и с Андреем Мироновым. Что вы думаете сегодня о нем?

— Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был покровителем, поскольку в свои пекунки, шлятеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или интригу. Глаза у него всегда были грустными... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

— Что значит — честен в профессии?

— Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь пятый концерт. После передела, в первую очередь между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был качественно — во всех состояниях — одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было похвалить, он хвалил. Если ему нужно было спеть песенку,

— Каким бы вам хотелось перемены в театре?

— Первое: чтобы была работа. Не для меня лично, а вообще в театре. Чтобы завидовать кому-нибудь,

— Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку»... выступить на сцене Театра сатиры?

— Когда говорили о «Чердаке...», как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

— А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

— Петра Фоменко поставить «Неаполь — город миллионеров». Он сказал: «Замечательный выбор. Это то, что нужно. Вы угадали. Но я очень болен... Положение с режиссурой сейчас тяжелое. Хорошие, которые имеют свои коллективы. И воспитывают актеров в своем вкусе, в своей эстетике. Они не пойдут в антрепризу, поскольку заняты в своих театрах. У Мокеева был замечательный спектакль «Эмигранты», он — человек вольный, поэтому я и предложил его. Тем более что в театре у нас была в то время мертвая зона. Валентин Николаевич себя плохо чувствует, сам ставить не может, режиссуре современную знает плохо. Приходилось самим искать. А я режиссером знаком плохо, поскольку работала с Акимовым или с Плучеком. В Театре сатиры не было так, чтобы сегодня — один, а завтра — другой... «Маллен и Моисей» начинал ставить режиссер, которого мне порекомендовала переводчица пьесы. Не получилось. Положение было отчаянное. Саркисова я знала давно, он согласился вручить...

— С вами, наверное, трудно?

— Я люблю быть ученицей перед любым режиссером. Замечательный у меня был опыт работы с Мишей Зонненштралем. Тихий, стесняющийся мальчик ходил кругами, пока наконец не пошел ко мне: «Ольга Александровна! Не хотите внеплановую работу сделать?» Еле выговорил название: «Папа, папа, белый папа, ты не вылезешь из шкафа...» Дал мне пьесу. Я ему говорю: «Да ты болел, мальчик! Ты что?! Там с трупом ходит женщина...» Он стал уговаривать, что знаешь, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: помолчи, я знаю, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я стараюсь быть очень кропотливой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что он знал, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она вышла оттуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуре я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет.

«Маллен и Моисей» — пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена это испекла пирог «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витаса и в этой пьесе сыграл Моисея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре на 600 мест! Ежедневно! Он показывал видеопленку, а мы ему — фотографии нашего спектакля.

— А новые пьесы он вам не дал?

— Дал. Не мне, конечно, а переводчицу Ирине Похоровой. Она сейчас переводит. Он рассказывает нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадал по-настоящему может только женщина. В рано встречалась старая коммунистка и священник, оба — в плену своих догм... Бог — очень жизнелюбивый и оптимистичный — предлагает им жить свободно.

— Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружили вы и с Андреем Мироновым. Что вы думаете сегодня о нем?

— Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был покровителем, поскольку в свои пекунки, шлятеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или интригу. Глаза у него всегда были грустными... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

— Что значит — честен в профессии?

— Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь пятый концерт. После передела, в первую очередь между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был качественно — во всех состояниях — одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было похвалить, он хвалил. Если ему нужно было спеть песенку,

— Каким бы вам хотелось перемены в театре?

— Первое: чтобы была работа. Не для меня лично, а вообще в театре. Чтобы завидовать кому-нибудь,

— Неужели никогда не возникало мысли дать «Кабачку»... выступить на сцене Театра сатиры?

— Когда говорили о «Чердаке...», как раз Александр Анатольевич предположил, что там могли бы сделать что-то похожее. Но, к сожалению, «Кабачок» умер уже наполовину...

— А у Плучека тогда, в пору расцвета, когда все были живы, не было таких идей?

— Петра Фоменко поставить «Неаполь — город миллионеров». Он сказал: «Замечательный выбор. Это то, что нужно. Вы угадали. Но я очень болен... Положение с режиссурой сейчас тяжелое. Хорошие, которые имеют свои коллективы. И воспитывают актеров в своем вкусе, в своей эстетике. Они не пойдут в антрепризу, поскольку заняты в своих театрах. У Мокеева был замечательный спектакль «Эмигранты», он — человек вольный, поэтому я и предложил его. Тем более что в театре у нас была в то время мертвая зона. Валентин Николаевич себя плохо чувствует, сам ставить не может, режиссуре современную знает плохо. Приходилось самим искать. А я режиссером знаком плохо, поскольку работала с Акимовым или с Плучеком. В Театре сатиры не было так, чтобы сегодня — один, а завтра — другой... «Маллен и Моисей» начинал ставить режиссер, которого мне порекомендовала переводчица пьесы. Не получилось. Положение было отчаянное. Саркисова я знала давно, он согласился вручить...

— С вами, наверное, трудно?

— Я люблю быть ученицей перед любым режиссером. Замечательный у меня был опыт работы с Мишей Зонненштралем. Тихий, стесняющийся мальчик ходил кругами, пока наконец не пошел ко мне: «Ольга Александровна! Не хотите внеплановую работу сделать?» Еле выговорил название: «Папа, папа, белый папа, ты не вылезешь из шкафа...» Дал мне пьесу. Я ему говорю: «Да ты болел, мальчик! Ты что?! Там с трупом ходит женщина...» Он стал уговаривать, что знаешь, как это сделать. Я согласилась и дала себе клятву, что не буду с ним спорить, даже перебивать, а буду слушаться. Интересно было, что он мне даст, хотя могла сказать: помолчи, я знаю, как это сделать. И второй спектакль, «Как пришить старушку», мы уже замечательно делали. Я стараюсь быть очень кропотливой и внимательной к тому, что просит режиссер. Очень довольна работой с Саркисовым, потому что он знал, чего хотел. Не люблю, когда режиссер говорит: «Давайте подумаем... А может быть, она вышла оттуда... Давайте ногами проверим». Всю эту игру в режиссуре я терпеть не могу! Режиссер должен четко знать, чего он хочет.

«Маллен и Моисей» — пьеса сложная. 31 декабря я была у автора в Париже, жена это испекла пирог «Четыре четверти», о котором говорится в спектакле. Он сам актер, ученик Витаса и в этой пьесе сыграл Моисея. Ставил спектакль режиссер из «Комеди Франсез». Три года без малого они играли спектакль в театре на 600 мест! Ежедневно! Он показывал видеопленку, а мы ему — фотографии нашего спектакля.

— А новые пьесы он вам не дал?

— Дал. Не мне, конечно, а переводчицу Ирине Похоровой. Она сейчас переводит. Он рассказывает нам вкратце сюжет, который разворачивается на том свете. Бог оказывается женщиной, поскольку сострадал по-настоящему может только женщина. В рано встречалась старая коммунистка и священник, оба — в плену своих догм... Бог — очень жизнелюбивый и оптимистичный — предлагает им жить свободно.

— Умение дружить с людьми не только своего поколения можно назвать одним из ваших талантов. Дружили вы и с Андреем Мироновым. Что вы думаете сегодня о нем?

— Он был лидером поколения, то есть больше, чем просто хорошим артистом. Для многих он был покровителем, поскольку в свои пекунки, шлятеры сумел вложить какую-то романтическую ноту или интригу. Глаза у него всегда были грустными... Он был дико работоспособен! И честен в профессии.

— Что значит — честен в профессии?

— Ну, например, мы играем в каком-то клубе какой-нибудь пятый концерт. После передела, в первую очередь между спектаклями... Он все равно играл с полной отдачей! Он был качественно — во всех состояниях — одинаков, не позволяя себе быть плохим актером. Если ему нужно было похвалить, он хвалил. Если ему нужно было спеть песенку,